

Даугмале и Даугавский путь. К проблеме образования городов

Арнис Радиньш

Путь из Варяг в Греки выступил важным градообразующим фактором развития урбанизма Восточной и Северной Европы, находящихся за пределами античной цивилизации (Лебедев, 1997, с. 197–209). Даугмале в низовьях Даугавы и Гнёздово в верховьях Днепра являются двумя из значительных торговых и ремесленных центров в системе этих речных путей, которые не стали городами. С целью разрешения проблемы обратимся к материалам, полученным на археологических памятниках низовий Даугавы.

Вопросы возникновения и развития экономических и политических центров на территории современной Латвии, а также существования здесь городов до вторжения крестоносцев и основания Риги в 1201 г., являются мало дискутируемыми. Ответы на них нуждаются в конкретизации и уточнении.

Из изданных за последние тридцать лет немногих работ на эту тему следует отметить статью В. Уртанса об образовании древних городов и сел (Urtāns, 1973, р. 63–66). Он считал, что в 10–11 вв. на территории Латвии произошли существенные изменения. Так, в ремесле вводятся новые орудия труда – гончарный круг, токарный и точильный станки, горизонтальный ткацкий станок, широколезвийный топор, и ремесленники осваивают новые рабочие приемы – изготовление дамасской стали, инкрустирование. Многие изделия начинают производить серийно – на рынок. Выделяются торговцы – профессионалы. Складывается местная денежная система. Изменения происходят и в других сферах. В результате всего этого на основе крупнейших ремесленных и торговых центров, являвшихся одновременно также политическими и административными центрами, складываются древние города. Их ядром являлось городище с поселением и торговым местом, часто дополняемое гаванью. Вблизи древнего города находился могильник и культовое место. Этнический состав таких мест жительства часто был смешанным. Возле наиболее

значительных древних городов находились сателлиты – меньшие городища и села. Например, напротив Даугмале – сёла на островах Доле и Мартиньсала и село Лаукскола, напротив Ерсик – городище Дигная. В древних городах, как феодальных центрах, где уже до 13 в. были известны церкви, констатированы свидетельства применения письменности.

Центры низовья Даугавы в своей статье о роли сел на месте Риги в 10–12 вв. анализировал А. Цауне (Caune, 1992a, р. 7–13). По его мнению, комплекс древних поселений Даугмале – Лаукскола имеет признаки, характерные для викив – ранних городов, появившихся в эпоху викингов, и потому следует считать его таковым. А. Цауне указывает, что поселение на острове Доле и другие поселения ливов следует считать селами. В некоторых из этих мест жительства концентрировалась часть ремесленников определенного округа, среди занятий его жителей все большую роль играла торговля. Одно из них – Холме – имело и административные функции. Возможно, что некоторые из них могли преобразоваться в ранние города. Однако эту задачу переняла Рига, географическое положение которой было более приемлемым для задач нового города.

Кроме того, по интересующему нас вопросу следует отметить статью Г. Земитиса о Даугмале как древнейшем поселении городского типа в низовьях Даугавы и предшественнике Риги (Zemītis, 1993, р. 39–44). В своей работе он взял за основу выделенные русским археологом Г. Лебедевым (Лебедев, 1985, с. 100–119) признаки, характерные для викив – предшественников исторических городов в Северной Европе. А именно следующие: 1) в отличие от поселений («столиш» округов или племен) вики нередко были расположены на «ничьей земле», в приграничьи племен и народов; 2) вики находились у важнейших торговых магистралей, обязательно удаленно от морского побережья и в сравнительно безопасных местах; 3) по крайней мере вначале вики не имели

укреплений, защитные валы были построены позже – после образования поселений; 4) вики занимали значительную площадь, она во много раз превышала площадь существовавших одновременно с ними городов в Центральной Европе; 5) число жителей викив не было постоянным, оно менялось в зависимости от торгового сезона; 6) застройка викив была динамичной, на раннем этапе – свободной, и только позже она постепенно приобретает регулярный характер и отдельные характерные для города элементы благоустройства (улицы, построенные набережные, колодцы и т. д.); 7) возле викив находились могильники с различными погребальными традициями, они теснились вблизи викив, иногда даже затрагивая территорию поселения; 8) вещественный материал, найденный в викивах, фиксирует сравнительно ранние следы торговли, местное ремесло складывается позже; 9) в Скандинавии расцвет викив связан с 8–10 вв., в 11 в. они постепенно исчезают, сменяясь «городами», которые основывали короли, а те в свою очередь со временем перерастают в средневековые города. Г. Земитис допускает, что по основным положениям здесь усматриваются параллели с наблюдаемым в Даугмале. В качестве местной особенности он отмечает сохранение викив еще в 12 веке, что связано с более медленными процессами складывания государственности в Восточной Прибалтике.

Социально-политическую интерпретацию городищ железного века Юго-восточной Латвии в своей статье исследует А. Шне (Šnē, 2000, р. 40–49). Он показывает, что термин «городище» используется очень широко и как обозначение объединяет как классификацию, так и интерпретацию, и практическое применение. В связи с этим оно не имеет определенного и всегда единственного интерпретирующего содержания. А. Шне считает, что городища в конце доисторического периода использовались как самостоятельные места жительства – города и села, как резиденции отдельных вождей и последователей их родов (семей). По его мнению, они не являлись политическими или административными центрами, т. к. политические связи в это время были личными. Все же городища были теми местами, где происходило разыгрывание политических позиций, где искали союзников и старались преодолеть конкурентов. В отношении ранних городов А. Шне полагает, что их следует считать торговыми центрами, возможно и ремесленными центрами, однако ремесло в данное время рас-

пространено и констатировано на всех местах жительства, хотя для городских изделий характерно более высокое качество и стандартизация. Он указывает, что у каждой территории в зависимости от ее размеров был свой соответствующий центр, который мог быть экономическим, политическим или идеологическим, расположенным как на городище или поселении, так и в определенном месте в поле или лесу. В качестве центральной территории в конце железного века на территории Латвии А. Шне отмечает бассейн Даугавы, по которому проходили торговые пути и который таким образом поддерживал экономику престижных вещей и взаимное соперничество местных вождей.

Также в отношении интересующей нас проблемы надо отметить работу Я. Апалса и Э. Мугуревича о позднем железном веке на территории Латвии, в отдельной главе которой представлен анализ мест жительства (Apals, Mūgurēvičs, 2001, р. 305–317). Эти авторы называют следующие их виды – сельские поселения или села, группы или агломерации сел с признаками ранних городов, озерные замки, места убежищ, замки с посадами или без них, древние города при замках, торговые места, древние порты, кораблестроительные верфи. По их мнению в первой половине позднего железного века городища и озерные замки в основном населяли общины, а во второй половине началась перестройка и дополнительное укрепление этих городищ, часть из которых была преобразована в резиденции верхнего слоя общества. Рядом с такими городищами устраивали посады, где размещались члены дружины и ремесленники. Вокруг центров краев и земель складывались поселения – древние города, которые в средневековых письменных источниках иногда обозначены словом «pilsāts».

Северо-восточная Европа не относится к тем регионам, где зачатки урбанизации можно найти уже в античности. Здесь, по нашему мнению, процессы образования городов являются результатом местного развития. В этой связи следует отметить один принцип, общий для всего интересующего нас региона – систему больших ремесленных и торговых центров у важнейших путей, начало которой относится к 8 в. (Носов, 1993, с. 76). Следует подчеркнуть именно систему, т. к. названные центры не существовали сами по себе, но были тесно связаны друг с другом. На территории современных Скандинавии и России, опираясь на основной принцип о

неограниченных и неконтролируемых государством внешних связей, она действовала вплоть до рубежа 10–11 вв. Вместе со стабилизацией государственных структур и принятием христианства более важное значение приобрели внутриэкономическое развитие и внутренние связи в каждой отдельной политической единице. В рамках этого процесса складывалась новая система. Существовавшие поселения городского типа сменили города. Последние могли вырасти как на месте и основе предыдущих, так и созданы заново. Подобный или другой ход событий определяли политические и экономические потребности новой системы, где определенное значение имело также географическое положение и природные условия.

Как о раннем центре на территории современной Латвии условно можно говорить только о Гробине. Этот древний комплекс памятников находится на берегах р. Аланда в 10 км от Балтийского моря. Существование скандинавской колонии здесь подтверждают несколько могильников, относящихся к периоду с 650 по 800 г. Находящееся в непосредственной близости от них городище, было заселено с 9 в., т. е. является хронологически более поздним. Окончательное решение вопроса возможно только после локализации соответствующего места жительства и исследования его культурного слоя. Делавшиеся до сих пор выводы опираются только на материалы могильников (Nerman, 1958, р. 171; Petrenko, 1990, р. 120–125; Petrenko, Urtāns, 1995, р. 16–19), которые малопригодны для характеристики поселения городского типа. В любом случае, названный центр мог быть одним из пунктов, который использовали путешествуя вдоль побережья Балтийского моря, но не дальше вглубь территории.

С опозданием, в низовьях Даугавы центры внешней торговли и ремесла формируются в 10 в. Причем здесь встречаются одновременно представители обеих названных систем. К первой из них принадлежит Даугмале. Это поселение городского типа, которое находилось на левом берегу р. Даугавы в 22 км от места впадения ее в Балтийское море, образуют городище площадью в 0,4 га, поселение, занимающее 2 га, место гавани, два грунтовых могильника. В использовании Даугмале, территория городища которой была обжита уже с 1 тыс. до н. э., наблюдается несколько периодов расцвета. Последний из них начался в 10 и завершился на рубеже 12–13 вв.

(Zemītis, 1996, р. 217–221). Именно в это время – в 11 и особенно в 12 веке – складывается и развивается поселение.

В нашем распоряжении нет никаких свидетельств о Даугмале как о центре политической власти. Судя по письменным источникам оно находилось на территории земли Упмале в крае Путелене (Mugurēvičs, 1999, р. 65). Этнический состав жителей Даугмале не был однородным. В 9–первой половине 10 в. здесь жили земгалы. В свою очередь в 11 в. в Даугмале значительно возросло присутствие ливов. Также здесь короткое время жили скандинавы. Однако мы не можем утверждать, что земгалы утратили контроль над этим столь значительным местом в низовьях Даугавы. Об этом свидетельствует как археологический материал (Zemītis, 1993, р. 40), так и письменные сведения (ИН, 1993, р. 49). Следует заметить, что на левом берегу Даугавы как вверх, так и вниз от Даугмале свидетельств о присутствии ливов крайне мало. В этой связи можно отметить могильник Даугмалес Ливес, где как отдельные находки получены древности 7–12 вв., характерные как для земгалов, так и для селов, латгалов, скандинавов и ливов (Zemītis, 1994, р. 25–28), и могильник Томес Нариняс, где открыты ливские захоронения 11–12 вв. (Atgāzis, 1969, р. 22–24).

До конца не решен вопрос о главном центре земгальской земли Упмале. Его усматривают в Межотне (Bēvkalne, 1960, р. 66). Этот комплекс памятников, находящийся на левом берегу р. Лиелупе в 75 км от Балтийского моря, состоит из 2 городищ и поселения между ними, гавани и 2 могильников. На центральном городище Межотне, площадь которого 0,35 га, первые большие работы по созданию укреплений проводились в 9 в. Начало формирования поселения относится к 10 веку. Следует отметить площадь поселения – более 13 га. Важное значение Межотне подтверждает тот факт, что оно рано становится объектом интересов крестоносцев и является первым крупным земгальским центром, перешедшим в руки завоевателей. Важные сведения по интересующему нас вопросу дает Хроника Генриха Латвийского. Ее автор, описывая сражения 1220 г. за Межотне не называет одного конкретного предводителя окруженных земгалов – правителя, который бы участвовал в мирных переговорах от имени всех (ИН, 1993, р. 249). В то же время хронист упоминает многих старейшин, числом более ста, которые каждый отдельно

сдавались крестоносцам. Можно предположить, что здесь существовал некий коллективный механизм политического управления. Вместе с тем, нельзя с уверенностью утверждать, что Межотне имело центральное значение в земле Упмале. Для сравнения, правитель Тервете – Виестард, стремившийся объединить все земгальские земли назван предводителем земгалов [Semigallorum princeps] (ИН, 1993, р. 114–115). Кроме того следует отметить, что поселение Межотне, несмотря на внушительные размеры, в Хронике Генриха названо селом (ИН, 1993, р. 247). Все это свидетельствует о нем, как поселении городского типа.

Даугмале, используя выгодное географическое положение и изменения, происходившие на пространстве Северо-восточной Европы в связи с образованием и укреплением государственных структур, расцвело на рубеже 10–11 вв. как место международной торговли. Здесь получено более 190 монет 8–12 вв., что является богатейшим нумизматическим материалом в Восточной Прибалтике. 130 из них являются отдельными находками и еще по крайней мере 60 получены из двух кладов. Наибольший наплыв монет в Даугмале наблюдался в первой половине и середине 11 в. (Berka, 1994, р. 41–46). Оно также стало важным ремесленным поселением, где используя в качестве образцов предметы, привезенные как с запада, так и с востока, было начато их местное производство. Эти изделия были широко распространены. Уровень ремесла характеризуют открытые железоплавильные печи, ювелирные мастерские с орудиями металлообработки. Констатировано более 265 тиглей и их фрагментов, используемых для плавления цветных металлов. Здесь происходила обработка не только бронзы и олова, но и серебра. Сделанные в Даугмале подвески – фигурки, крестики, миниатюрные топоры и другие предметы распространялись по Даугаве и Балтийскому морю. Например, они найдены на территории современных Финляндии, Белоруссии, России, Украины.

В письменных источниках Даугмале не названо непосредственно и несомненно. И надежды найти неизвестные до сих пор новые сведения невелики. Существуют небольшие возможности переоценки уже имеющихся свидетельств. Так, возможна иная интерпретация надписи на руническом камне первой половины 11 в. из Хегби [Hogby]. В ней говорится, что у бонда Гулли [Gulli] было пять сыновей, которые погибли в сражениях

или умерли. Второй сын – Халвдан [Halfdan] был убит в Холме [Hulmi]. Это название связывают как с островом Борнхольм, так и с Новгородом (Мельникова, 1977, с. 123). Как известно, в низовьях Даугавы один из находящихся вблизи Даугмале островов на Даугаве в документах 13 в. обозначен как Холме. Здесь же находился и намного более впечатляющих размеров остров Доле. Весьма вероятно, что скандинавы названием Холме могли обозначать именно это место. Это в свою очередь означало бы, что Халвдан встретил свою смерть в низовьях Даугавы у Даугмале.

Много дискуссий вызвала локализация названной в Хронике Генриха Земгальской гавани. Ее искали как на берегах Лиелупе, так и Даугавы. В 1200 г. папа Иннокентий III, угрожая церковным проклятием, запретил всем торговцам посещать Земгальскую гавань в торговых целях. В хронике описан случай, когда за несоблюдение этого правила капитан и лоцман некоего судна были казнены. Преимущество отдается гипотезе о Даугмале как о Земгальской гавани (Mugurēvičs, 1993, р. 352–353).

Следует отметить, что и название Гнёздово не найдено в письменных источниках. Высказано предположение, хотя и не поддержанное единодушно, что Гнёздово связано с упомянутыми в географическом сочинении скандинавов о странах мира названиями Сирнес [Syrnes] и Гадар [Gadar] (Джаксон, 1986, с. 73–83). Причины упадка данного поселения городского типа и того, что оно не переросло в город, наиболее вероятно следует искать в процессах укрепления и совершенствования государственных структур. В основе роста и укрепления находящегося рядом Смоленска были интересы новой политической власти. Еще раз отметим, что в отличие от Гнёздово, в скандинавских письменных источниках встречаются все главные города на пути из варяг в греки, который начинался в Финском заливе Балтийского моря – Ладога [Aldeigjuborg], Новгород [Holmgardr], Смоленск [Smalenskia], Киев [Kaenugardr]. Все они являлись и центрами государственных структур.

Вторую – новую систему – представлял другой центр в низовьях Даугавы – Ерсика. Он развивался одновременно с Даугмале как политический центр государственной структуры латгалов с тем же названием. Она многократно упомянута в документах 13–14 вв. (SLVA, 1937, р. 38; SLVA, 1940, р. 222–223). Согласно Хронике Генриха здесь в начале 13 в. жил правитель государства Ерсика

Висвалдис (ИИ, 1993, р. 69). Данный письменный источник свидетельствует, что в этом древнем городе находилось несколько православных церквей.

В хрониках и других документах Ерсика обозначена как *castrum, civitas, urbs, burg, locum castris Gersike* (Mugurēvičs, Vilcāne, 1992, р. 75–76). Как видно, использованы различные термины. Это свидетельствует, что нелегко было найти обозначение для конкретного места жительства, а также составители хроник и документов не были последовательны. В Хронике Генриха Ерсика так же, как главный центр Полоцкого княжества с тем же названием, обозначена как город [*civitas*] (ИИ, 1993, р. 83, 129).

Древний город Ерсика, находившийся на правом берегу р. Даугавы, образует городище величиной в 0,75 га, поселение, занимающая 10 га, грунтовый могильник. Место было обжито уже с 1 тыс. до н. э. (Balodis, 1940, р. 33–37). В 1–9 вв. оно интенсивно не использовалось. Мощные укрепления на городище были созданы в 10 в. Тогда вдоль краев холма был создан вал из земли и глины. В первой половине или середине 11 в. он был укреплен изнутри деревянными конструкциями (Vilcāne, 1996, р. 122). Они имелись и на валу. Укрепления несколько раз были разрушены и каждый раз восстанавливались еще более внушительными. О хронологии поселения в нашем распоряжении слишком мало археологических свидетельств, чтобы можно было сделать более широкие выводы. Можно только добавить, что более широкая заселенность здесь вряд ли началась ранее середины 11 в. Возможно, составной частью Ерсика следует считать находившееся прямо напротив ее на левом берегу реки городище Дигная с поселением. Это место жительства, в отличие от Ерсика, очень широко использовалось в 4–8 вв. Хотя начиная с 11 в. заселенность Дигнай приходит в упадок, она все же сохраняется до 13 в. (Šnoge, 1939, р. 44–46; Vasks, 1990, р. 178; 1992, р. 108).

Судя по археологическим свидетельствам, в экономической жизни Ерсика внешняя торговля не имела большого значения. Здесь, например, найдено только 5 монет первой половины 11 в. (Берга, 1988, с. 88).

Образование экономических и политических центров в низовьях Даугавы являлось результатом не только внутреннего развития, но и внешнего давления. С середины 9 в. наблюдаются усиленные попытки скандинавов закрепиться в этом

регионе. Свидетельства этого, хотя и с недостаточной степенью достоверности, дают письменные источники. В работе Саксона Грамматика (1160–1222?) «*Gesta Danorum*» говорится о датском викинге Хадинге, который в конце 9 в. неудачно сражался с куршским правителем Локером (Lokero), а позже успешно напал на правителя Гелеспонта [Helespontos] Хадвана [Hadwanus], который жил в городе Дуна (SLVA, 1937, р. 5–6). Он также упоминает Фроди [Frotho], сына Хадинга, который в начале 10 в. сражался как с куршами и их правителем Дорни [Dorno], так и с русскими, а также взял город Дуна, где правил Адван [Andwanus, Anduanus]. Для локализации мест событий немаловажно, что перед нападением на Адвана, Фроди взял город Полоцк [Paltiska] (SLVA, 1937, р. 6–8). В этой связи также следует отметить сведения Саксона Грамматика о связи ливского правителя Бико [Bisso] с жителями Гелеспонта (Kursis, 1997, р. 67–68).

По одному из объяснений, Гелеспонт – это водный путь по Даугаве на восток, где Дуна – это река Даугава. С этим однако согласны не все исследователи. Так, под Гелеспонтом понимают путь по рекам Дон и Донец, который соединял Азовское море с низовьями р. Волги и дальше с Каспийским морем (Pritsak, 1981, р. 170–174). В свою очередь Дуна объясняется как река Дон.

В любом случае, другие письменные источники также подтверждают деятельность скандинавов на восточном побережье Балтийского моря с середины 9 в. Так в написанной архиепископом Гамбургским и Бременским Римбертом (801–888) «*Vita sancti Anscarti*» рассказывается о нападении на Курсу датчан в 853 г. и шведов в 854 или в 855 г. (SLVA, 1937, р. 3–5). О шведской дани в Земгале в начале 11 в. рассказывает «*Yngvars saga Vidforla*» (Kursis, 1997, р. 21). Такие же сведения о Курсе находим и в написанной Снорри Стурлусоном (1178–1241) «*Heimskringla*» (Стурлусон, 1980, с. 219–220).

Рассмотрим некоторые из наиболее ранних захоронений могильника Саласпилс Лаукскола в низовьях Даугавы. Внимание привлекает тот факт, что в их инвентаре встречаются древности скандинавского и другого иноземного происхождения. Так, во 2 могиле в числе предметов данных в загробную жизнь захороненному подростку, были железный наконечник копья с инкрустированной серебром втулкой, секира, бронзовая массивная подковообразная фибула с четырехгранными концами, серебряная подковообразная

фибула с длинной иглой, 2 серебряных спиральных браслета с отогнутыми концами, 2 фрагмента куфических дирхемов: один неопределенный, другой – Исмаила Ибн Ахмеда (852–907), железная гирига с бронзовой оболочкой (Ginters, 1981, р. 24–25). В свою очередь у захороненной в 67 могиле женщины констатированы 2 бронзовые фибулы с концами в виде звериных голов, коробчатая фибула, а у открытого в 359 могиле мужчины – серебряный и бронзовый браслет со свитыми вместе концами, железный узколезвийный топор, однолезвийный и двулезвийный мечи, 3 бронзовые гириги (Zariņa, 1992, р. 173–175). Эти захоронения датируются концом 10 в.

Могильник Саласпилс Лаукскола не единственный памятник в низовьях Даугавы подобного характера на раннем этапе своего развития. Также и в могильнике Долес Вампениеши I, устроенном в первой половине 10 в. на о. Доле, констатировано значительное присутствие иноземного элемента (Šnore, 1996, р. 125–127).

Упомянутые письменные сведения об активности скандинавов подтверждаются и археологическими свидетельствами с территорий куршей и земгалов. Например, на могильнике Баускас Дренгеры – Чункани, хронология которого относится к периоду с 750 по 1050 г., в некоторых захоронениях конца 10 и начала 11 в. обнаружены древности скандинавского характера (Atgāzis, 1990, р. 38, 42).

Вероятно, что в этом случае в низовьях Даугавы мы сталкиваемся с этнически неоднородной, но наделенной скандинавским акцентом группой, которая была связана с торговой деятельностью на пространстве между Балтийским, Каспийским и Черным морями. В этой связи упомянем только один предмет из инвентаря рассмотренных выше захоронений – боевой топорик. В качестве универсального оружия он широко встречается среди тех воинов – торговцев, которые действовали на пути из варяг в греки. Боевые топоры найдены как в могильниках Приладожья, так и междуречья Даугавы и Днепра (ПИВГ, 1996, с. 55), и Ярославльско-Поволжья и др. (Дубов, 1989, с. 108).

Можно принять, что в середине 10 в. в низовьях Даугавы поселилась некая небольшая группа жителей, связанная с дальней торговлей. В этой связи надо отметить, что наиболее ранний из известных здесь кладов куфических дирхемов на о. Навессала – зарыт в первой половине 10 в. (Urtāns, 1977, р. 170). Появление пришельцев в этом

столь важном для контроля пути по Даугаве месте весьма закономерно и вряд ли было единичным явлением. Рассматриваемый район несомненно и раньше вызывал и отнюдь не мирный интерес. Стоит вспомнить, что в первой половине 9 в. было разрушено городище Огрес Кентескалнс (Stubavs, 1976, р. 56). В ходе дальнейшего развития с увеличением финского элемента, который уже вначале здесь не является чужим, в 11 в. расцвела ливская культура, уже как местное явление низовий Даугавы. Следует отметить, что только на этих и памятниках Приладожья получены локальные воспроизведения скандинавских овальных фибул (Jansson, 1992, р. 74).

Продолжая о сведениях скандинавских письменных источников о низовьях Даугавы, надо заметить, что в их рунических надписях, сагах и географических сочинениях встречается река Даугава [Dupa, Duna] (Мельникова, 1977, с. 69–70; 1986, с. 151–157). Также там упоминаются Рижский залив Балтийского моря и Даугавский путь. Также скандинавы различали этнические группы и заселенные ими земли в интересующем нас регионе (SLVA, 1937, р. 11; Мельникова, 1977, с. 78, 1986, с. 132). Наконец, скандинавские письменные источники говорят о конкретных местах жительства на берегах Даугавы. По меньшей мере десять раз в них упомянут Полоцк [Palteskia]. Однако, как уже отмечалось, среди них нет ни одного центра в низовьях Даугавы.

Как известно, скандинавы сыграли значительную роль в образовании форм государственности Древней Руси (Петрухин, 1995, с. 69–108). Это наблюдается и в случае с Полоцком. Только в конце 10 в. там происходят существенные изменения (Штыхов, 1975, с. 21–26). В это время Полоцк из небольшого населенного пункта кривичей вырастает в качественно новое место жительства – главный центр большого государственного образования. Думается, что большое значение в этом процессе имела деятельность князя Рогволода, пришедшего «из-за моря» (ПВЛ, 1997, с. 56). Не исключена возможность, что Рогволод отправился на Русь по Даугавскому пути и констатированных в низовьях этой реки пришельцев можно связать с его дружиной. Это объяснило бы в новом свете дань ливов Полоцку.

Имеющийся в нашем распоряжении материал все же подтверждает, что скандинавы не создали свои опорные пункты в низовьях Даугавы и не остались здесь на постоянное жительство. В этой связи следует отметить, что из более 2000

исследованных могил 9–12 вв. из 20 могильников только некоторые, как уже отмечалось, условно можно считать скандинавскими захоронениями. Конечно, как известно именно в ливских памятниках, получено определенное количество предметов скандинавского характера. Часть из них действительно были привезены, но часть является местными воспроизведениями. Среди них следует назвать такие древности, как наконечники копий с украшенной серебрянной инкрустацией втулкой, оковки ножен меча с птичьим мотивом, овалы фибулы и т. д. Вышесказанное не исключает кратковременного их пребывания в рассматриваемом регионе.

Одновременно со стремлением покорить Даугавский путь с низовьев, были попытки сделать это с верховьев. Свои интересы в отношении всего Даугавского пути непрерывно демонстрировало Полоцкое княжество. Но, кажется, что и это стремление никогда не было реализовано. В этой связи и следуют неблагоприятный поход Полоцких князей Всеславичей в 1106 году против земгалов (ПВЛ, 1997, с. 205).

Можно считать, что в 9–12 вв. жителям низовьев Даугавы удалось удержать под своим контролем Даугавский путь. Если в первой половине 9 в. их роль была незначительной в дальних торговых сношениях, то в середине и особенно во второй половине 10 в. ситуация резко изменилась. Наряду с этим район низовьев Даугавы становится значительным центром ремесел, производившим продукцию не только для местного рынка. В середине 11 в. многие импортные предметы становятся объектами локальных подделок. Изготовление их было на таком уровне, что трудно отличать от оригинала. Эти изделия широко распространялись (Radiņš, 2000, p. 110–111).

Таким образом, в результате внутреннего развития и внешнего давления в конце 9–начале 10 в. в низовьях Даугавы произошли существенные изменения. В результате регион был включен в связи дальней торговли. Число возникших в это время центров, хотя их дальнейшее развитие и не было равномерным, сохранялось на протяжении нескольких последующих веков. То, что это не происходило только мирным путем, подтверждает тот факт, что основным элементом всех интересующих нас центров является городище – укрепление. Можно считать, что здесь существовала определенная их система, где они расположены через каждые 20–40 км в местах,

пригодных для контроля над путем по Даугаве. Как стратегически важные пункты использовались речные пороги. Центры в низовьях р. Даугавы отличаются по своему характеру. Поселения городского типа были ориентированы на внешнюю торговлю и ремесло, тогда как древние города – на удовлетворение интересов формирующейся государственной структуры.

Ситуация резко изменилась в конце 12 и в начале 13 в., когда западноевропейские, особенно немецкие, торговцы не хотели мириться с тем, что жители низовьев Даугавы выступили в роли посредника между Западом и Востоком.

И так предыдущие процессы образования городов и их дальнейшего развития в низовьях Даугавы были прерваны крестовыми походами 13 в. В результате завоевания появились новые государственные структуры и новые города по образцу Западной Европы. Выбор мест для этих новых центров определяли как политические, так и экономические интересы, причем существовала выраженная тенденция объединять оба эти условия. Только в некоторых случаях в качестве базы для новых городов использовали старые центры. Однако часто они находились в непосредственной близости от них. Так роль Даугмале переняла Рига.

Этот город, согласно Хронике Генриха, начали строить по указанию епископа Альберта (1199–1229) летом 1201 г. на полуострове, образованном на правом берегу Даугавы при впадении в нее речки Рига. Это место было обжито уже ранее. Здесь известны по крайней мере 2 ливских поселения – села и столько же могильников (Caune, 1976, p. 24–25; 1996, p. 32–36). В расширении речки Рига при ее впадении была хорошая естественная гавань. Она находилась только в 10 км от Балтийского моря и перед первым порогом на Даугаве. Начало существования села смело можно отнести к 12 в. О возможной заселенности в 10–11 вв. свидетельствуют лишь несколько отдельных находок (Caune, 1992a, p. 10–11). Первое село находилось у речки Рига, второе – возле Даугавы. Площадь каждого из них превосходила 3 га (Caune, 1992a, p. 11). Судя по письменным сведениям, существовало и третье село – к северо-западу от второго. Возможно, что оно констатировано и в природе (Caune, 1992b, p. 35–36). Обзор места Риги не был бы полным без упоминания городища Сенайс калнс. Оно находилось на 1 км севернее ливских сел на конце ряда песчаных дюн. В конце 12 в. его не

использовали. Созданный западно-европейскими крестоносцами и торговцами город Рига вначале занимал свободную территорию между ливскими селами. Существует мнение, что уже в конце 12 в. или немного ранее вблизи третьего ливского села уже были некие связанные с купцами дальней торговли строения (Zandberga, 1993, p. 136–146). Правда, это мнение было оспорено (Caune, 1992b, p. 21–37). Однако письменные сведения такую возможность скорее подтверждают, чем отрицают (ИИ, 1993, p. 55, 59).

В заключении следует указать, что нет единого ответа о пути от поселения до города. Однако значительным фактором является элемент политической власти. Он имел существенное значение в прекращении развития как Даугмале, так и Гнэздо.

ЛИТЕРАТУРА

- Apals J., Mugurēvičs Ē., 2001. Vēlais dzelzs laikmets (agrie viduslaiki) 800. – 1200. g. In: *Latvijas senākā vēsture 9. g. t. pr. Kr. – 1200. g. Rīga.*
- Atgāzis M., 1969. 1968. g. izrakumi Nariņos, Strautniekos un Vecdolē. In: *Zinātniskās atskaites sesijas referātu tēzes par arheologu, antropologu un etnogrāfu 1968. gada pētījumu rezultātiem. Rīga.*
- Atgāzis M., 1990. Pētījumi Čunkānu – Dreņģeru kapulaukā un aizsardzības izrakumi Plūdoņu II apmetnē. In: *Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu un etnogrāfu 1988. un 1989. gada pētījumu rezultātiem. Rīga.*
- Balodis F., 1940. Jersika un tai 1939. gadā izdarītie izrakumi. Rīga.
- Berga T., 1994. Daugmales pilskalna monētas (8. – 12. gs.). In: *Arheoloģija un etnogrāfija. 17. laid. Rīga.*
- Brīvkalne E., 1960. Rakstītās ziņas un arheoloģiskās liecības par 9. – 13. gs. Mežotni. In: *Arheoloģija un etnogrāfija. 2. laid. Rīga.*
- Caune A., 1976. Rīgas plānojums pirms 13. gs. In: *Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu un etnogrāfu 1975. gada pētījumu rezultātiem. Rīga.*
- Caune A., 1992a. Rīgas loma Daugavas lejteces apgabalā 10. – 12. gs. In: *Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. Nr. 3.*
- Caune A., 1992b. Arheoloģiskās liecības par senāko apdzīvotību Rīgas Doma baznīcas apkārtnē. In: *Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. Nr. 3.*
- Caune A., 1996. Jaunatkārtā 12. gs. rīdzinieku apbedījumu vieta bij. Rātslaukuma teritorijā. In: *Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu 1994. un 1995. gada pētījumu rezultātiem. Rīga.*
- Ģinters V., 1981. Tracht und Schmuck in Birka und im Ostbaltischen Raum. Eine vergleichende Studie. In: *Antikvariskt arkiv 70. Stockholm.*
- ИИ, 1993. *Indriķa hronika. Rīga.*

В низовьях Даугавы в процессе образования городов можно выделить несколько этапов. Первоначально, здесь так же, как в северо-восточной Европе, но с некоторым опозданием, в развитии центров определяющую роль играла внешнеторговая деятельность и связанное с ней ремесло. Рядом с этими поселениями городского типа образовывались и древние города, где доминирующее значение имели интересы государственных структур и политической власти, появившихся в результате местного развития. Часть названных центров имела все возможности, чтобы стать городами. Это не было реализовано, т. к. местный ход развития был насильственно прерван. Появившиеся в результате завоевания новые государственные структуры и политическая власть создали новые города по образцу Западной Европы.

- Jansson I., 1992. Scandavian Oval Brooches Found in Latvia. In: *Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im frühen Mittelalter. Stockholm.*
- Kursis A., 1997. Mīti un īstenība. Stockholm.
- Mugurēvičs Ē., Vilcāne A., 1992. Arheoloģiskie izrakumi Jersikas pilskalnā. In: *Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu 1990. un 1991. gada pētījumu rezultātiem. Rīga.*
- Mugurēvičs Ē., 1993. Komentāri. In: *Indriķa hronika. Rīga.*
- Mugurēvičs Ē., 1999. Novadu veidošanās un to robežas Latvijas teritorijā (12. gs. – 16. gs. vidus.). In: *Latvijas zemju robežas 1000 gados. Rīga.*
- Nerman B., 1958. Grobin – Seeburg. Ausgrabungen und Funde. Stockholm.
- Petrenko V., 1990. Izrakumi Grobiņā. In: *Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu un etnogrāfu 1988. un 1989. gada pētījumu rezultātiem. Rīga.*
- Petrenko V., Urtāns J., 1995. The Archaeological Monuments of Grobiņa. Rīga–Stockholm.
- Pritsak O., 1981. Old Scandavian Sources other than the Sagas. Cambridge–Massachusetts.
- Radiņš A., 2000. Daugavas ceļš un Daugmale. In: *Cauri gadsimtiem. Rakstu krājums vēltīts Valdemāram Ģinteram (1899–1979). Latvijas Vēstures muzeja raksti Nr. 7. Rīga.*
- SLVA, 1937. Senās Latvijas vēstures avoti. 1. burtn. Rīga.
- SLVA, 1940. Senās Latvijas vēstures avoti. 2. burtn. Rīga.
- Stubavs A., 1976. Ķentes pilskalns un apmetne. Rīga.
- Šnē A., 2000. Agrās pilsētas, rezidences, nocietinājumi ... Dienvidaustrumlatvijas dzelzs laikmeta pilskalni sociālpolitiskā kontekstā. In: *Arheoloģiskie pieminekļi, arheoloģiskās vietas. Rīga.*
- Šnore E., 1939. Dignājas pilskalns. Īss pārskats par 1939. g. izrakumiem. In: *Senatne un māksla. Nr. 4.*

Šnore E., 1996. Daugavas lībieši Doles salā. In: *Arheoloģija un etnogrāfija*. 18. laid. Rīga.

Urtāns V., 1973. Senā pilsēta un ciems Latvijas teritorijā agrajā feodālismā. In: *Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu, antropologu un etnogrāfu 1972. gada pētījumu rezultātiem*. Rīga.

Urtāns V., 1977. Senākie depozīti Latvijā. Rīga.

Vasks A., 1990. Izrakumi Dignājas pilskalna apmetnē. In: *Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu un etnogrāfu 1988. un 1989. gada pētījumu rezultātiem*. Rīga.

Vasks A., 1992. Dignājas pilskalna apmetne. In: *Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu 1990. un 1991. gada pētījumu rezultātiem*. Rīga.

Vilcāne A., 1996. Arheoloģiskie izrakumi Jersikā. In: *Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu 1994. un 1996. gada pētījumu rezultātiem*. Rīga.

Zandberga R., 1993. Vēlreiz par senāko apdzīvotību Doma baznīcas apkārtnē. In: *Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls*. Nr. 4.

Zariņa A., 1992. Die Kontakte der Liven mit Skandinavischen Landern nach den Schmucksachen des Gräberfeldes aus dem 10. – 13. Jh. zu Salaspils Laukskola. In: *Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im frühen Mittelalter*. Stockholm.

Zemītis G., 1993. Daugmale (10. – 12. gs.) – senāka pilsētveida apmetne Daugavas lejtecē un Rīgas priekštece. In: *Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis*. Nr. 7.

Zemītis G., 1994. Daugmales pagasta arheoloģijas pieminekļi. In: *Kopkrājums Daugmale*. Rīga.

Zemītis G., 1996. Daugmales pilskalna valnis. In: *Arheoloģija un etnogrāfija*. 18. laid. Rīga.

Берга Т. М., 1988. Монеты в археологических памятниках Латвии IX–XII вв. Рига.

Дубов И. В., 1989. Великий Волжский путь. Ленинград.

Джаксон Т. Н., 1986. Syrnes и Gadar: Загадки древнескандинавской топонимики Древней Руси. In: *Scando – Slavica*. Т. 32.

Кочуркина С. И., 1973. Юго-восточное Приладожье в X–XIII вв. Ленинград.

Лебедев Г. С., 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Ленинград.

Лебедев Г. С., 1997. Путь из Варяг в Греки как фактор урбанизации Древней Руси, Скандинавии и Византии. Славянский средневековый город. Т. 2. Москва.

Мельникова Е. А., 1977. Скандинавские рунические надписи. Москва.

Мельникова Е. А., 1986. Древнескандинавские географические сочинения. Москва.

Носов Е. Н., 1993. Проблема происхождения первых городов Северной Руси. In: *Древности Северо-запада России (славяно-финно-угорские взаимодействия, русские города Балтики)*. Санкт-Петербург.

ПВЛ, 1997. Повесть временных лет. Санкт-Петербург.

Петрухин В. Я., 1995. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск.

ПИБГ, 1996. Путь из Варяг в греки и из грек... Москва.

Стурлусон С., 1980. Круг земной. Москва.

Штыхов Г. В., 1975. Древний Полоцк IX–XIII вв. Минск.

Kernavė in the context of towns of the Grand Duchy of Lithuania

Gintautas Vėlius

Data assembled during archaeological excavations at Kernavė during the last 23 years lead to a conclusion that a town existed here as early as the second half of the 13th century – the 14th century. A whole complex of sites of the period has been excavated for a number of years, including the town itself on the upper and lower terraces of the Neris, the defence system comprising five hill-forts and a burial ground (Kernavė – litewska Troja, 2002). The question, however, is what general urbanization processes the emergence of the town represents, what formation model it followed and under what influences this urban culture was formed.

Contrary to the archaeological evidence, historical sources of the period which have references to Kernavė are very scarce. The town was first mentioned in 1279 when the Livonian Order launched a large-scale military march to the Lithuanian lands reaching as far as Kernavė (Livonijos..., 1991, p. 173). Later references of the town are related to its finale. In 1365 the united troops of the German Order burnt down the castles and the town of Kernavė. In 1390 history repeated itself and the town was never rebuilt. In the second half of the 14th century when the German Order arranged military marches to Lithuania, the castle of Kernavė was mentioned a few times in road descriptions compiled by reconnaissance (Kraštas..., 1988, p. 30–32). Inscriptions in Riga's book of debts witness that representatives of merchants lived in Kernavė at the end of the 13th century. In 1290 reference was made to merchant Rameize, while in 1303 another merchant, Studilė, was mentioned (Das Rigische..., 1872, p. 84). It is also noteworthy that the said Riga's book of debts contains no references to merchants of other contemporary towns of ethnic Lithuania. The name of the first merchant sounds Lithuanian, while the other one is probably of Slavic origin.

Though written sources are scarce, Z. Ivinskis identifies Kernavė as "one of Mindaugas' key castles where one of his major residences could have been located for a rather extended period of time" (Ivinskis, 1991, p. 177). H. Paszkiewicz regarded the town as Mindaugas' capital.

At the time of Traidenis, Kernavė remained an important, or maybe the most important residence of the duke. Both Z. Ivinskis (Ivinskis, 1991, p. 200) and V. Pašuta (Pašuta, 1971, p. 37) identify Traidenis as the duke of Kernavė. When the dynasty of Gediminaičiai came to power, Kernavė and Vilnius, according to E. Gudavičius, were the main centres of the domain, same as during the time of Traidenis (Gudavičius, 1999, p. 74). In the course of the 14th century, however, the situation changed to the disadvantage of the wooden Kernavė. From 1323, Vilnius was mentioned as the capital of the country and brick castles built according to a totally different fortification principle sprang up at the Old Trakai, Vilnius, Medininkai, Krėva, Kaunas and Lyda.

Nevertheless, what place does Kernavė occupy in the history of European towns? During the Middle Ages, the process of European urbanization was based on the foundations of towns of the Roman Empire. West European towns basically grew within the boundaries of the empire provinces. In Eastern Europe, these processes were inspired by the Byzantine culture. In the Baltic Sea basin urban cultures emerged as a consequence of the military and trade activities of the Vikings. In Russia, cities – trade centres developed due to the trade route connecting Scandinavian and Byzantine towns. Most of the later centres of Russian lands can also be regarded as cultural legacy of the disintegrated Kiev Russia. Furthermore, the development of European towns was inspired by the growing influence of the Catholic and Orthodox Churches. In this context, the Baltic lands are still a grey area in the development of the Christian European town, while the emergence of such centres as Kernavė and Vilnius remains an object of scientific discussions.

The first three centuries of the 2nd millennium A. D. are characterized as a period of regrouping of political forces and cultural influences all over the Baltic area. At that time, same as at all times, Lithuania was situated at the crossroads of the Western and the Eastern worlds. Any cultural activity in the coastal or eastern Lithuania can be associated with changes of the geopolitical situa-

DAUGMALĒ IR DAUGUVOS KĒLIAS. MIESTŪ SUSIDARYMO PROBLEMA

Arnīs Radinš

Santrauka

Dauguvos žemupio gyvenviečių analizē parodē, kad nēra vienintelio atsakymo ī klausimā apie gyvenviečių peraugimā ī miestus. Tačiau vienas reikšmingiausių šio vyksmo faktorių yra politinē valdžia. Jis smarkiai veikē Daugmalēs ir Gnezdovo gyvenviečių egzistavimā.

Galima išskirti keletā Dauguvos žemupio miestų raidos etapų. Pirmiausia čia, kaip ir šiaurēs rytų Europoje, tik kiek

Įteikta 2003 m. sausio mėn.

vėliau, centrų raidai lemiamą reikšmę turėjo užsienio prekyba ir su ja susiję amatai. Kartu su miesto tipo gyvenvietėmis dėl vidaus raidos atsirado ir senieji miestai, kuriuose vyravo valstybinių struktūrų ir politinės valdžios interesai. Dalis išvardytų centrų turėjo visas galimybes tapti miestais. Tačiau tai neįvyko, nes natūrali raida buvo dirbtinai nutraukta.

Iš rusų kalbos vertė A. Luchtanas